

6. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.10.2012 № 82-012-33 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2019).
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 2810-О [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.12.2019).
8. Алиев А. Б. Аудио- и видеодокументы как доказательства в уголовном процессе // Nauka-rastudent.ru. 2017. № 02 (038).
9. Бартюк А. С. Аудио- и видеодокументы как доказательства в уголовно-процессуальном доказывании // Проблемы науки. 2017. С. 90–91.
10. Галяшина Е. И. Материалы аудио- и видеозаписи как результаты ОРД: проблемы судебно-экспертного обеспечения проверки доказательств // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 91–96.
11. Клевцова С. А. Являются ли аудиозапись и видеозапись доказательствами в суде? / RUSюрис.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rusjurist.ru/sudebnye_dela/dokazatelstva/yavlyayutsya_li_audiozapis_i_videozapis_dokazatelstvami_v_sude/ (дата обращения: 16.12.2019).
12. Котухов М. П. Перевод результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М. П. Котухов. Казань, 2001. С. 231.
13. Макарова Т. А. Использование в ходе предварительного следствия материалов аудио- и видеозаписи: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Т. А. Макарова. Ижевск, 2004. С. 161.
14. Россинский С. Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // Lex Russica. 2017. № 10 (131). С. 36–46.
15. Талынева З. З., Давыдова С. Р. К вопросу о доказательственном значении материалов аудио- и видеозаписи в уголовном процессе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. С. 54–57.
16. Тимошенко В. Кинопоказ в суде: когда видеозапись является доказательством / Гарант.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/article/733154/#ixzz68mnGw6mw> (дата обращения: 21.12.2019).

**ПРОБЛЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ
МЕЖДУ ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

А. А. Тиссен,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»,
anna.tissen@mail.ru
Научный руководитель:
Г. В. Пережогина,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук,
g.v.perezhogina@utmn.ru

Подследственность в уголовном процессе — это система установленных законом полномочий органов предварительного расследования в сфере ведения уголовных дел в соответствии с их юридическими свойствами [9]. Подобный институт необходим, чтобы достичь оперативности и четкости в ходе производства предварительного расследования. Подследственность является важнейшим регулятором в определении компетенций между государственными органами, занимающимися предварительным расследованием. Данный институт распределяет полномочия между органами дознания и органами предварительного следствия, определяет процессуальный порядок решения споров при возникновении конфликтов в распределении полномо-

чий, определяет категории уголовных дел, прописывает основания и порядок передачи уголовного дела от одного органа предварительного расследования другому.

Если провести анализ установленного законом распределения полномочий между следственными органами в современной России, то можно сделать вывод, что, несмотря на то что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации четко определяется подследственность тех или иных уголовных дел, до сих пор возникают споры и недопонимания в этой системе. В частности, это приводит к процессуальным ошибкам: нарушению сроков предварительного расследования; расследованию дознанием уголовных дел, подследственных, согласно законодательству, предварительному следствию; лишнему передопрашиванию участников процесса; необходимости после принятия дела заново проводить следственные действия, которые ранее уже проводились другим органом. Это свидетельствует о несовершенности современной системы распределения полномочий. Законодательные органы также признают наличие данной проблемы, о чем свидетельствуют частые попытки изменить действующее законодательство в этой сфере, а также организовать новые следственные органы и ликвидировать старые [1; 79].

Особенно это актуально в современном мире ввиду нарастающих процессов цифровизации и глобализации, ведь прогресс не стоит на месте, и, совместно со всеми остальными областями, преобразуется и переходит на новый уровень и уголовный процесс со всей правоохранительной системой. Об этом говорит всё, от появления новых областей, которые следует законодательно регулировать, до упрощения «бумажной» работы, которая у правоохранительных органов отнимает большое количество времени. Можно предположить, что цифровизация исключила надобность создания единого следственного органа, так как упростила взаимодействие существующих следственных органов между собой.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что изменение подследственности является актуальной проблемой в современных реалиях.

Понятие «подследственность» можно интерпретировать в трех аспектах: 1) как правовой институт, который регулирует отношения между органами предварительного следствия и дознания в сфере расследования уголовных дел определенных категорий; 2) как систему установленных законом полномочий органов предварительного расследования в сфере ведения уголовных дел в соответствии с их юридическими свойствами; 3) как совокупность определенных признаков, по которым законодатель относит дело к компетенции конкретного органа предварительного расследования [8].

Функции подследственности как института можно поделить на два аспекта: 1) социально-политический, т. е. в зависимости от государственного устройства, политического режима, экономических и социальных условий и ситуации в стране будет меняться перечень государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, и их функций и компетенций; 2) юридико-правовой, который включает в себя соотношение следственных аппаратов и категорий уголовных дел, по которым распределяются компетенции [5; 22].

Если говорить об институте предварительного расследования, который остался после распада СССР, то можно сказать, что он был организован по розыскному типу [3; 28]. Так, в связи с этим следователь превратился в «оформителя», в задачи которого входило оформлять правильным образом то, что было собрано в ходе оперативно-розыскной деятельности оперативными сотрудниками, и «расследовать» только поступившую ему на стол версию произошедшего. В реалиях — постоянное составление множества бумаг (в большинстве случаев вручную), надобность согласовывать проделанную работу с вышестоящим органом без возможности послать результат работы по быстрой почте, без затрат огромного количества времени и ресурсов, — у следователя не было возможности самостоятельно расследовать дела, поэтому оставалось лишь надеяться, что оперативные сотрудники ничего не упустили и представили всю картину произошедшего такой, какой она в действительности была. Из-за сложившейся ситуации ни о каком «оправдательном процессе» речи быть не могло, и вся деятельность правоохранительных органов была нацелена лишь на составление обвинительного заключения, а в последующем и обвинительного приговора.

Но Советского государства нет уже более четверти века, и на данный момент в современной России предварительное следствие, согласно действующему законодательству, подчиняется принципам гуманизма и справедливости; тем не менее в деятельности правоохранительных органов всё еще присутствуют те признаки, которые были присущи розыскному типу. Разберем это со стороны организации самого аппарата следственных органов и подследственности каждого из звеньев органов, занимающихся предварительным расследованием.

В действующем российском законодательстве подследственность и все вопросы, связанные с ней, регулируются статьями 150–152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее так же – УПК РФ). В соответствии со ст. 151 УПК РФ предварительное расследование осуществляется следователями и дознавателями. К органам предварительного следствия относятся: Следственный комитет Российской Федерации, Федеральная служба безопасности (некоторые ведомства), органы внутренних дел (некоторые ведомства). К дознанию относятся: дознаватели органов внутренних дел, дознаватели пограничных органов Федеральной службы безопасности, дознаватели органов Федеральной службы судебных приставов, дознаватели органов государственного пожарного надзора противопожарной службы, следователи Следственного комитета (по определенным статьям, указанным в ст. 150 УПК РФ), дознаватели таможенных органов.

Если обобщить все статьи, закрепленные за каждым органом, и разделить их по категориям и классификациям, то анализ не позволяет точно определить, по какому принципу законодатель решил отнести ту или иную статью к компетенциям определенного органа: разные части одной и той же статьи отнесены к компетенции разных органов предварительного расследования. То есть никакой признак по уголовным делам, по которым должна определяться подследственность: предметный, персональный, альтернативный (остальные регулируются по-другому и в данном контексте не рассматриваются), – не играет важнейшей роли в определении. Из-за этого дела по разным частям и пунктам одной и той же статьи Уголовного кодекса Российской Федерации могут расследоваться разными органами, без какой-либо на то объективной причины. Также не стоит забывать о ч. 5 ст. 151 УПК РФ, в которой упоминается альтернативная подследственность, т. е. тот орган, который первым выявил преступление, его и расследует, что вводит в систему органов предварительного расследования еще большую неопределенность.

Рассматривая аппарат предварительного следствия, можно найти множество отголосков советского розыскного типа следствия. Следователь изначально ставится в роль обвинителя, к тому же является чиновником правоохранительных органов государства, служащим в военизированной структуре, из-за чего, помимо выполнения своей основной функции, обязан выполнять сопутствующие обязанности и задачи в связи с «военной» службой, что влечет за собой и невозможность полностью сконцентрироваться на определенной работе, и затягивание сроков предварительного следствия, а вместе с тем страдает и подследственность, в которой царит неопределенность.

Если говорить о том, как изменилась подследственность в российском законодательстве в эпоху компьютерных и цифровых технологий, то можно с уверенностью заявлять лишь о разделении компетенций в отношении преступлений в сфере компьютерных технологий, т. е. появление относительно новой сферы и распределение ее между органами предварительного расследования. Также следует отметить, что в доказательной базе активно применяются аудио-, видео-, фотофиксация, переписки и публикации в сети Интернет, информация о передвижении объекта с помощью отслеживания мобильного телефона, прослушивание телефонных звонков и т. д.

Говоря о субъективных факторах изменения института подследственности в связи с цифровизацией, важно отметить, что уголовный процесс в связи с появлением и распространением компьютерных технологий стал более открытым, прозрачным и, что немаловажно, удобным. Поиск людей, просмотр каких-либо документов, отправка документов, сбор некоторых доказательств, ведение уголовных дел в электронном формате – всё это и многое другое стало доступно и быстро, и это невозможно отрицать.

Некоторые зарубежные страны уже активно внедряют цифровые технологии в самые разнообразные сферы уголовного процесса, при этом достаточно успешно, и пожинают плоды упорядоченной системы. Так, в Республике Казахстан ведется электронный реестр уголовных дел, что делает уголовный процесс полностью прозрачным, действуют единый реестр административных производств, единый реестр субъектов и объектов проверок, электронные обращения и аналитический центр [4; 116]. Процесс судебной проверки также переведен в электронный формат, включая подачу заявления в правоохранительные органы и исполнение наказания [2; 7].

В странах СНГ, как и в Российской Федерации, процесс реформирования органов предварительного следствия проходил довольно непоследовательно и противоречиво, поэтому, исследуя ст. 187 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан — «Подследственность», можно прийти к выводу, что с этим институтом также имеются некоторые проблемы. Всего в этой статье упоминаются пять органов предварительного расследования: органы внутренних дел, служба экономических расследований, антикоррупционная служба, Комитет национальной безопасности и непосредственно прокуратура. Важно сказать, что у Комитета национальной безопасности есть отдельные органы со своей подследственностью. Большая часть преступлений подчиняется альтернативной подследственности. Также подследственность зачастую определяется каким-то признаком (например, объектом преступления) в составе преступления, в зависимости от него орган, расследующий преступление, может кардинально поменяться. Сама статья не структурирована, органы находятся в хаотичном порядке, из-за чего статья сложна для понимания. Таким образом, несмотря на активную цифровизацию уголовного процесса в Республике Казахстан, институт подследственности находится в недоработанном состоянии.

В Республике Беларусь говорили о создании единого следственного органа еще в начале 90-х годов XX века, в Концепции судебно-правовой реформы. Однако создание единого следственного органа пришлось на 1999 год — Следственный комитет при МВД республики. С этого времени предварительное расследование велось следователями и дознавателями органов внутренних дел, государственной безопасности, следователями прокуратуры. 1 января 2012 года в Республике Беларусь создан Следственный комитет, подчиняющийся непосредственно президенту республики. Следователем комитета производится предварительное следствие по всем уголовным делам, за исключением дел о шпионаже, терроризме и других специфических дел, предварительное следствие по которым производится Комитетом государственной безопасности [6; 122]. Такая организация следственных органов не имеет аналогов в мире. По своей сути Следственный комитет Республики Беларусь является успешным опытом создания единого централизованного следственного органа.

Рассматривая зарубежный опыт, нельзя не упомянуть систему предварительного следствия в США, которая кардинально отличается от российской, при этом успешно функционирует и развивается. Характерная черта предварительного следствия в США — это отсутствие определенного порядка расследования преступления. В США имеется около 50 органов, осуществляющих предварительное следствие. Наиболее важным из них является полиция, которая, в свою очередь, подразделяется по локальному критерию на федеральную полицию, полицию штатов и местную полицию. Наряду с федеральной полицией действует ФБР — Федеральное бюро расследований. ФБР помимо предварительного расследования осуществляет сбор информации, которая может представлять опасность для внутренней безопасности страны. Полиция штатов расследует дела, отнесенные к их компетенции законодательством штатов. Местная полиция занимается малозначительными преступлениями. Важно отметить, что в США не существует определенного закона, регулирующего деятельность полиции: ее статус определяется Конституцией, законами штата и местным законодательством. Важная роль отводится прокурору: он может как опираться на материалы расследования полиции, так и проводить собственное расследование, игнорируя заключения полиции [7; 225].

Анализируя зарубежный опыт, нельзя не учитывать территориальное расположение этих стран, формы государственного устройства, исторически сложившиеся правовые обычаи, которыми зачастую обусловлены их институт подследственности и уголовно-правовая система в целом.

Говоря о российской подследственности и путях ее преобразования, стоит брать во внимание существующее уголовное законодательство, территориальное и национальное многообразие, исторические и социальные факторы.

Объективные признаки свидетельствуют о незавершенности процесса преобразования института подследственности. Первые попытки изменить систему органов предварительного следствия начались еще с окончания существования советского пространства — это создание Концепции судебной реформы. Концепция констатировала кризис системы уголовного судопроизводства, в частности предварительного расследования. Предлагалось преобразование судебной системы и процесса, а вслед за ней и преобразование правоохранительных органов. Выход из кризисной ситуации в системе предварительного расследования Концепция видела в создании следственного комитета как службы обвинительной власти при активном участии защиты на протяжении всего следствия, в формировании института следственных судей при знании прокуратуры вспомогательным органом, в отделении следствия от оперативно-розыскных органов, в ликвидации дознания, создании единого следственного аппарата, отделении функции руководства расследованием от функции надзора за расследованием, в отделении осуществления государственного обвинения от надзора за следствием [3; 27].

В полной мере положения Концепции судебной реформы не были реализованы. Главными направлениями Концепции можно назвать создание единого следственного органа и судебный надзор за досудебным производством. В отношении создания единого следственного органа: в первой половине 1993 года Верховный Совет России успел рассмотреть в первом чтении законопроект о создании такого органа, но из-за роспуска Верховного Совета законопроект дальше не прошел, и создание единого следственного органа было отложено на неопределенный срок.

Выделение Следственного комитета в особое ведомство из органов прокуратуры в 2010 году можно считать первым шагом к созданию единого следственного органа, но в обществе создание Следственного комитета было встречено неоднозначно, и эту реакцию можно понять. Как упоминалось выше, деление компетенций даже по прошествии десяти лет носит противоречивый характер. Создание единого следственного органа могло бы решить множество проблем, возникающих на почве передачи по подследственности между органами предварительного расследования. Дознание как форма досудебного расследования фактически перестало отличаться от предварительного следствия, за исключением сроков расследования и компетенций. На данный момент разделять дознание и предварительное следствие не имеет никаких объективных причин, было бы целесообразнее выделить некоторые категории преступлений и законодательно закрепить для них укороченные сроки расследования, а не выносить их в отдельную форму предварительного расследования.

Нахождение всех сотрудников органов предварительного расследования в одном ведомстве могло бы сократить сроки расследования и движения дела от одного ведомства к другому. Отсутствие споров по поводу подследственности также привело бы к сокращению сроков расследования и помогло в полной мере осуществлять права граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Создание единого следственного органа могло бы существенно изменить в лучшую сторону институт подследственности. Однако главный вопрос состоит в том, следует ли выделять в этот орган оперативно-розыскные подразделения, ведь при нынешней ситуации уголовно-процессуального права они выполняют главную роль в поиске доказательств по уголовному делу. При этом, как показал опыт Республики Казахстан, дробление органа МВД может негативно сказаться на качестве работы этого ведомства и такая система будет нежизнеспособна в нынешних реалиях. Также, при соединении оперативно-розыскных подразделений с еди-

ным следственным органом, следователь превратится в процессуального оформителя без возможности собственного фактического расследования.

В то же время разделение следователей и оперативников делает сбор доказательств трудоемким и длительным. Если же наделить оперативников только сбором доказательств, а следователей, наоборот, лишить этого права, то из этого выходит, что следователь также останется процессуальным оформителем без возможности даже наблюдать за сбором доказательств, как это, например, было возможно при соединении функций.

При соединении предварительного следствия с оперативной деятельностью важно учесть существующие функции и пересмотреть их. Если оперативно-розыскной орган будет при едином следственном органе вспомогательным подразделением, при этом не лишая следователей функции анализа и сбора доказательств, такое решение данной проблемы видится самым жизнеспособным из всех вариантов.

С учетом цифровых технологий создание единого органа не обязательно, но в российском обществе еще нет настолько достоверных и точных баз данных по уголовным делам, чтобы передавать их без лишних трат времени. Все уголовные дела при спорах о подследственности передаются исключительно в письменном виде и никак не переводятся в электронный вид. Исходя из этого, можно сделать вывод, что на данном этапе развития российской правоохранительной системы создание единого следственного органа необходимо. Основная проблема заключается в том, с чего начать и как именно должно проходить создание отдельного ведомства, которое будет заниматься исключительно предварительным расследованием.

Реформацией предварительного следствия, а тем более созданием единого следственного органа следует заниматься компетентным законодательным органам, юристам-ученым и, конечно же, практикующим юристам, для всестороннего рассмотрения этого вопроса и постепенного преобразования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А. С., Поздняков М. Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Юридическая наука и юридическая практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. Вып. № 1 (25) С. 78–82.
2. Аубакирова А. А. Цифровизация уголовного процесса // Вопросы экспертной практики. 2019. № 1. С. 5–8.
3. Бедняков И. Л. Досудебное производство: от Концепции судебной реформы к современности // Уголовное судопроизводство. 2017. Вып. № 1. С. 26–32.
4. Джурабеков Н. М. Цифровизация как инструмент повышения эффективности прокурорского надзора в Республике Казахстан // Современное состояние и перспективы развития научной мысли: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Нур-Султан, 2019. С. 114–121.
5. Захаров Н. В. Теория и практика определения подследственности уголовных дел: автореф. дис. канд. юрид. наук. Самара, 2009. 26 с.
6. Зотов А. В. Нужна ли Российской Федерации реформация органов предварительного следствия // Теория и практика общественного развития. 2018. № 8 (126). С. 121–124.
7. Мухитдинов А. А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан): монография / Под. общ. ред. Б. Я. Гаврилова. Душанбе: Таджикский гос. ун-т, 2015. 335 с.
8. Подследственность: понятие и аспекты использования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zaochnik.com/spravochnik/pravo/ugolovnyj-protsess/podsledstvennost-ponjatie/> (дата обращения: 30.03.2020).
9. Петухов Н. А. Правоохранительные и судебные органы России: учебник / Под ред. Н. А. Петухова, А. С. Мамыкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: РАП, 2013. 676 с. Текст: электронный. Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/517758> (дата обращения: 30.03.2020).
10. Селютин А. В. Проблемы разграничения подследственности в уголовном процессе: дис. канд. юрид. наук. М., 2000. 29 с.
11. Смирнов А. В. Реформы уголовной юстиции конца XX века и дискурсивная состоятельность // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 15–21.